

КАНДИДАТЫ БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ

В. КОЖЕВНИКОВ

КИПУЧАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВЫСОКОЕ ДАРОВАНИЕ

В августе 1946 года тувинский народ отпраздновал 25-ю годовщину национально-освободительной революции, которую он совершил с помощью великого русского народа.

25 лет тому назад тувинцы находились на грани полного вымирания. Колониально-феодальный гнет обрекал их на гибель.

Манжурское иго, китайская колонизация приводили к варварскому истреблению тувинского народа.

Тыва была настолько забита и отсталой страной, что даже не имела своей письменности.

Это беспрашное прошлое особенно ярко было отражено в письме трудящихся Тувы к товарищу Сталину:

Всех рабов наш народ —
Давил нас гнет в роде в рол.
Огонь желенных, ржавых цепей
Будила глубоким ламагом степи,
Арат историей столиц,
Нобон, Амбын и Угурда
Жестоко грабили стала.
Сосали кровь из наших ран...

С первых дней национально-освободительной революции в Туве советское правительство оказывало всемерную и всестороннюю помощь тувинскому народу в его хозяйственном и культурном строительстве. И ныне Тувинская область достигла невиданного экономического и культурного процвета. Генерал тувинцы имеют свою письменность, более четырех на 90 процентов ликвидированы болезни.

В Туве рядом с другими культурно-просветительными и научно-исследовательскими учреждениями созданы институты языка, литературы и истории. Основаны национально-драматический театр, краеведческий музей.

Сотни специалистов выпущены из педагогического училища, фельдшерско-акушерской школы, сельскохозяйственного технического училища.

В Туве выросли национальные кадры учителей, врачей, писателей, художников, артистов, композиторов.

На примере Тувы блестящие подтвердились учение Ленина — Сталина об исторических путях развития отсталых стран.

Владимир Ильин Ленин говорил, что «...с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к соцетскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

С помощью Советского государства отсталая, феодальная Тува миновала в своем развитии капиталистическую стадию и перешла к советскому строю.

Таким образом, в своем общественном развитии Тува перегнала не только полуфеодальные и колониальные страны Азии, но и высокоразвитые капиталистические страны. И в жизненном пути выдающегося общественного и политического деятеля, замечательного тувинского писателя Салчака Калбакхорековича Тока отражен, как в зеркале,

стремительный взлет всего тувинского народа к высотам социалистической культуры.

Салчак Тока родился в 1901 году в белой семье артата. В двадцатых годах он на плоту, связанный из нескольких бревен, через реку Енисей приплыл в Красноярск, потом приехал в Москву и поступил учиться. В 1929 г. он возвращается в Туву. Под его руководством тувинский народ конфискует земли и стада феодалов.

Товарищ Тока собирает вокруг себя все культурные силы и создает письменность — языка тувинского. Создание письменности — заслуга рождения национальной тувинской культуры и искусства.

Салчак Тока делает первые переводы русской литературы на тувинский язык, пишет первые письма на родном языке, создает первые драматургические произведения.

Одновременно товарищ Тока ведет большую культурную и государственную работу.

Вдохновенный, нетерпеливый, окруженный любовью народа, он преобразует жизнь людей. Не зная, что такое усталость, он берется за самое трудное дело и доводит его до конца.

За заслуги перед народом товарищ Тока награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

С именем Салчака Тока связаны все важнейшие достижения культуры тувинского народа.

С литературной деятельностью Салчака Тока наши читатели познакомились, когда в 1943 году в издательстве «Советский писатель» вышла повесть Тока «В бесстычном чужом».

Эта автобиографическая повесть, рассказывающая о детстве тувинского мальчика, замечательна не только тем, что раскрыла перед нами картины жизни, до сих пор неизвестной нам, но и глубокой поэтическостью характеров людей, запечатленных с большой художественной реалистичностью.

В духовном развитии тувинской молодежи повесть Тока «В бесстычном чужом» занимает также место, как «Летство и отчество» Толстого или «Мон университет» Горького в духовной культуре русской молодежи.

Песни Салчака Тока проникнуты острой политической содержанностью. Это драматическия повесть, острая национально-драматическая Тока и призывающая к единению народа в Туве. Все это говорит о высокой цене его творчества, направляющего духовные силы соотечественников на борьбу за построение высшего общественного строя.

Литературное творчество Тока и активная работа его как государственного и политического деятеля неотъемлемо одно из другого. Это замечательное единство характеризует выдающегося тувинского писателя, основоположника тувинской литературы Салчака Калбакхорековича Тока, депутата Верховного Совета СССР и кандидата в депутаты Верховного Совета Российской Федерации от трудящихся города Кызыла.

С. КИРЬЯНОВ

Вдохновенный певец Башкирии

Литературная деятельность крупнейшего башкирского поэта Сайфи Кудаша насчитывает более трех десятилетий. Он начал печататься с 1913 года. Уже первые его стихи, впоследствии вошедшие в сборник «Песни свободы», проникнуты пафосом борьбы за освобождение народа, борьбы за новую жизнь. Радостно и взволнованно приветствовал Сайфи Кудаш Великую Октябрьскую социалистическую революцию, привнесшую освобождение всем народам бывшей Российской империи.

Буржуазные националисты пытались разобщить башкирский народ с братским русским народом, толкали его в реакционное националистическое болото. Сайфи Кудаш твердо стоял на позициях нерушимого единства молодой многонациональной Советской Республики. Он хорошо понимал, что только политика большевистской партии и советской власти обещает вождение и расширение всех национальностей. На его глазах экономическая и культурная отсталая Башкирия превратилась в одну из передовых республик с развитой промышленностью и индустриализированным сельским хозяйством.

Социалистическая Башкирия наслаждает свое го вдохновенного певца в лице Сайфи Кудаша. Он создал десятки прозаических, отражающих великий преобразовательный процесс в родной республике. Он воспевает Ленина, Сталина, большевистскую партию, советскую власть.

Выступая в самых разнообразных жанрах, — Сайфи Кудаш пишет стихи, басни, рассказы, сказки для детей — основное внимание он уделяет поэзии. Он создает такие крупные произведения, как роман в стихах «Кушакша», поэмы «Встреча», «Нурулла» и многие другие. Каждое из них — новое свидетельство идеального и художественного стиля поэта.

Сайфи Кудаш — постоянный сотрудник республиканских газет «Башкортостан», «Коммуна», «Красная Башкирия»; он был одним из руководителей писательской организации Башкирии первого литературно-художественного журнала на башкирском языке «Октябрь». В последние годы Сайфи Кудаш является бессменным председателем правления Союза советских писателей Башкирии.

В одном из стихотворений, написанных в годы Великой Отечественной войны, поэт, выражая общие чувства башкирского народа, говорит:

Я вручу тебе сердце, страна,
Я вручу тебе руки, страна.
Что еще тебе дать я могу?
Я тебя, словно мать, беру,
Сердце блещет в груди для тебя,
Слышишь, родина, песню мою!
О тебе упесно пою.

В стихотворениях «Ленин и боец», «Мой одессычанин», «О Ленинграде», «В стенах Дона», «Письмо ребенка», в поэме для детей «Месть» Сайфи Кудаш воспевает геройские дела фронтовиков, многообразную, самоотверженную работу советского тыла, нерушимую дружбу народов Советского Союза. Эти произведения вошли в золотой фонд башкирской литературы.

Творчество Сайфи Кудаша известно не только башкирскому читателю. Его произведения печатались на русском, украинском, татарском языках. За время войны в переводах на русский и украинский языки вышли сборники «От всего сердца», «Слово матери». Поэма «Мать» была напечатана в украинской газете, издаваемой в

Сталинской республике. Правительство высоко оценило деятельность поэта, наградив его орденом Ленина.

Сейчас башкирский народ выдвинул своего верного сына кандидатом в депутаты Верховного Совета Башкирской АССР.

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Плакат работы В. Климаншина.
Издательство «Искусство».

Избранные стихи М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Р. ФАИЗОВА

Писатель-большевик

В 1919 году в татарских газетах публиковались стихи и новеллы, подписанные неизвестным до того времени именем Кави Наджми. Творчество молодого писателя привлекло внимание читателей своей свежестью, новизной, музыкальным голосом человека, уверенного в торжестве революционного дела.

В дни решающих боев за утверждение советской власти в 1919 году Наджми пошел добровольцем на фронта. Тогда же онступил в коммунистическую партию.

Долгое время (до 1933 года) Кави Наджми присоединялся к литературной работе со службой в Красной Армии. Он был ранен в бою, затем стал комиссаром, впоследствии и ответственный редактором газеты. «Советский татарин» — прославленный татарский писатель-революционер, член партии большевиков, автор романа «Отчизна».

Кави Наджми выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета Татарской АССР. Свою жизнь писателя-большевика он отдает народу.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

О чем бы ни писал Кави Наджми — о гражданская войнах, о коллективизации, он всегда создавал яркие, праярвые образы советских людей, увлеченные строительством родины, творчеством.

А. М. Улитин доказал на склоне лет общенародную популярность татарского народа от подъячего до князя. С этого времени вместе с ростом общественных интересов, растет и его литературное мастерство. Очень скоро он становится уже рядом с Я. Райнисом, в центре общественной жизни Татарии.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».

Стихи и песни М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».

Стихи и песни М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».

Стихи и песни М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».

Стихи и песни М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».

Стихи и песни М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».

Стихи и песни М. Исааковского

Издательство «Советский писатель» выпустило в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы (1917—1947 г.)» том избранных стихотворений М. Исааковского. В книгу включены стихи из сборника поэта «Пролова в соломе», «Пророчница», «Мастера земли», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песни о Родине» и др.

Наджми. Книги «Самое последнее», «Жрец» и др. поставили Наджми в ряд наилучших талантливых татарских писателей.

Стихи С. Климаншина. Издательство «Искусство».</p

ТРИ СМЕРТИ ХОЛСТОМЕР

РОСЛИНДАТ

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Теоретическая путаница и политическая безответственность

На днях в одном из магазинов Мотиза я купил «Программу по введению в литературоведение» (для филологических факультетов государственных университетов и факультетов языка и литературы педагогических институтов). Программа эта, на которой напомнила появившееся «ответственное»

издание Министерства высшего образования СССР и издана тиражем в 100.000 экземпляров

издательством «Советская наука».

Вы читаете эту программу, и погружаетесь в атмосферу пустых скользящих определений, ничего не говорящих общих мест, в атмосферу псевдонаучного обективизма, для которого вопросы идейной роли искусства, партийности литературы — малозначущи и тривиальны.

«Несоответствие между идеалами художника и действительностью и воинствующие отсюда разновидности художественного изображения: юмор (безвредное несоответствие), ирония (презрение), сарказм (гнев), сатира (негодование), трагедия (противоречие, вызывающее ужас)» — говорится в программе.

Невольно приходит на память слова Шедрина об одном критике, сочинившем «особенную теорию «юмора», которая делает ему честь как человеку, дошедшему

собственным умом до некоторых общих сокращений, но которая едва ли будет кем-нибудь принята к сведению».

Юмор охарактеризован в программе в резком противоречии со взглядами Белинского, Герцена, Шедрина, что нечто мелкое, лишенное подлинного идейного и общественного значения.

Но далее мы убеждаемся в том, что

«Программа искачет основные принципиальные положения нашей теории литературы.

Чем, как не теоретической и политической безответственностью, является следующее определение: «партийность, как отражение идеологической устремленности писателя! Иначе говоря, партийность рассматривается произвольно, антидраматически, как качество, присущее писателю любой эпохи. Ленин писал: «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая». Своим определением программы совершенно снимает вопрос об идейности передовой революционно-демократической литературы и о новом качестве партийности советских писателей.

Л. Тимофеев уверен читателя в том, что, создавая «Бурлаков на Волге». Репин «на социальном смысле своей картины... не думал». И это несмыслия на то, что, по словам самого Репина, впервые увидев бурлаков на Неве, он сразу почувствовал именно социальный смысл этой темы — «вот контраст с этически ароматным цветником господ!..»

Невозможно вообразить более живой и более тенденциозной картины! Писатели-реалисты, по мнению автора учебника, чужды передовым идейным исканиям, чужды стремлению найти пути к будущему!

Но лучше обострить у Л. Тимофеева дело и с советской литературой. Мировоззрение советского писателя для него — нечто безобразное, бес品位ное, пассивное. С точки зрения Л. Тимофеева, оно мало влияет на творчество. Ото, что в творчестве Фадеева центральное место занимают образы коммунистов (Левинсон, Сурков, Алеши), не пишет автор, не есть результат только его личного творчества — такова сама действительность. Именно поэтому характеристики коммунистов занимают центральное место и у других советских писателей.

Литературное творчество в понимании Л. Тимофеева проходит на диктант в первых группах десятилетки. Учителю-действительность диктует, ученики-писатели по-случаю записывают один и тот же текст. Активная творческая роль мировоззрения писателя сводится к минимуму!

Ученик не помогает бороться за высо-кую идейность советской литературы. Он нечестиво обобщает исторический опыт русской литературы, игнорируя великие революционно-демократические традиции, игнорируя новое качество нашей литературы, которая является «передовой, идейной, революционной литературу» (А. Жданов).

Книга Л. Тимофеева и программа, отредактированная им, могли появиться только в обстановке отсутствия принципиальной критики и самокритики в среде наших писателей. Издание этого «Программы» — грубая политическая ошибка.

В. ЕРМИЛОВ

«РУССКИЙ ВОПРОС»

В своей новой пьесе «Русский вопрос», опубликованной в № 12 журнала «Звезда» за 1946 год, К. Симонов рисует повседневную жизнь американской многонациональной прессы в наши дни. Персонажи пьесы — хозяева и сотрудники американских газет. К. Симонов рассказывает о черной работе загородного дома и начинают жизнь счастливых людей, которых он видел в бою, в труде, которым пожинали руки, чье честность, геройство, стремление к миру он так хорошо узил. И вернувшись из страны, где царствуют правда и честность, он снова пишет правдивую и честную книгу об этой стране.

Но он скрывает и от Макферсона, и от своей жены, что пишет совсем не ту книгу, которую от него ждут. У него нехватка мужества сразу признаться в этом. Он хочет, чтобы бы на короткое время, хоть еще на несколько дней, проплыть свою честь с Джесси. Он совсем не уверен в том, что, если своей любви к нему, она не уйдет от него, узнав, что ее надежды на уют и отдых рухнули. И, главное, он боится так сильно огорчить ее.

И вот настает день, когда и Макферсон, и Джесси узнают все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газетный делец, владелец нескольких десятков газет, беспринципный политик Макферсон в дни войны держал курс «левого» и, подыгрываясь под настроения американского народа, помещал в своих газетах положительные статьи о Советской Армии, о советских людях. Сейчас, выполняя заказ своих хозяев, он затевает клеветническую войну с прессой, которая подвергается его нападкам.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Джесси узнает все о новой книге Симона. Помимо них, поколебавшихся, Джесси и в самом деле уходит от него. Все попытки Симона издать книгу в другом издательстве, напечатать ее главами в прогрессивной газете терпят крах. Макферсон всjomог.

Сюжет пьесы и прост и увлекательен.

Газ

ВЛ. РУБИН Свобода лжи и клеветы

За последнее время в США происходит большое оживление среди всевозможных поставщиков антисоветского чтива. Вот уж, поистине, кого не страшит ни возможность перепроизводства, ни угроза кризиса! Специально извлекается заплесневевший, заражавшийся товар, кое-как чистится, приглаживается и выпускается в оборот ловкими дельцами из «идеологии». «Польский кон-юнктурой» — таков из деиз. И малопонятный бизнес литературных клеветников и алюминиевых процветает во-всю.

Расчет этих литераторов, специализировавшихся на антисоветских вымыслах, не отличаются особой сложностью: то по предположению, издание книг, направленных против Советского Союза, соответствует планам определенных политических кругов США; дело это — сущие выゴды, ибо у читателей, мол, — короткая память. Конечно, в годы Сталинградской эпопеи даже самый злонамеренный автор в США не рискнул бы выпустить антисоветский пасквиль, но теперь, по моему мнению, времена изменились — якобы все дозволено. И скрывают первья, льются чернила, разведенные «сплюнью бешеной собаки», и на книжный рынок выбрасываются все новые порции литературной отравы.

Фабрикация этой отравы стала сейчас столь заманчивым делом, что ее занимают не только ли по семеиному принципу. Не успел еще небезызвестный литературный спекулянт Бру克斯 Аткинсон, соавтором профессии театрального критика и антисоветского пасквиля, «бравировать» читателей своими измышлениями о СССР, как против него помочь подсодела жена — Ориана Аткинсон. Она ни на шаг не отстает от своего супруга, нагло демонстрируя, что «мужчина верна жене и наши дни совсем не дни». Гостока Аткинсон сочинил книгу под историческим названием «Моя жизнь за железным занавесом», напечатанную отдельными очерками в распространенном женском журнале «Домашний спутник женщин».

Удобно расположившись у стола молдованского «железного занавеса», эта дама занялась литературным руководством, называя себя на небылицу, измышление на измышление. В наглом, развязном тоне эта литературная закорючка позволяет себе рассуждать русским народе. В нем она находит тему недостатков, издаваясь над его страданиями и лишенными в годы войны, забывшиими себя писателями гдь бы то ни было. Но если отвлечься от этого, нельзя не признать правильных доводов прогрессивного американского критика Сэмюэла Силленса, который подчеркивает, что «чуждающийся пропаганды» Аткинсон счел нужным писать в газете, воскресный тираж которой составляет 602 509 экземпляров, и «сурьем следовал линии издателя этой газеты», то есть, проще говоря, выполнял их заказ на антисоветскую пропаганду.

Аналитируя состояние современной американской критики, в частности в области драматургии, Силен пишет: «Замечательно, что критики никогда не усмотрят пропаганду в пьесах, принимающих и, следовательно, пропагандирующих господствующие ценности капиталистического общества. Они усмотрят пропаганду лишь там, где этим ценностью бросается вызов. Сегодня никто не будет бичевать как пропаганду, пытаясь прославляющую честолюбивые планы империалистов и атомных дипломатов. Пьеса же, разоблачающая эти планы, пьеса, борющаяся за подлинный мир, будет немедленно заклеймена этим страшным словом. Все это, разумеется, тщательно маскируется фразами о преданности «чистому искусству».

Эта характеристика относится не к одному только театральной критике. Разве можно пройти мимо того, что под флагом «чистого искусства» в Америке издаются и широко распространяются антисоветские книги не только отечественного производства, но и импортные, как, например, увенчанная «Клубом лучших книжных мастеров» грязная книжка-антропомания Оруэлла.

Литературные дамы обоего пола, вышивающие на «железном занавесе» и стоявшие на антисоветской кухне, находят своих издателей. Тут же подвизаются всякий рода проходимцы авантюристы, сомневающиеся и публикующие свои пасквили по трафарету, установленному «литературным» агентом гестапо Янис Валтинсом, который и поныне продолжает «творить» в США. Реакция стремится к ухудшению дружеских отношений между народами. Ей помогает в этом так называемая «свобода печати», являющаяся на деле псевдоимом свободы для разнуданной лжи и клеветы.

Ковры - портреты Пушкина и Толстого

АШХАБАД. (От наш. корр.). Ашхабадская экспериментальная мастерская ковровых изделий приказала к изготовлению художественных ковров-портретов А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Клан ковров содержит 400 тысяч узлов в одном квадратном метре.

В основу эскиза для ковра с изображением Пушкина положен известный портрет О. Кипренского. Образ Толстого копирует с портрета И. Репина (1887 г.). Эскизы ковров выполнены специалистом ковроделия, художником Е. Крыловым. Над портре-тами великих русских писателей работают лучшие мастерицы-ковровщицы.

тательности. Фраза из печально-знатомленной фольклорной речи г-на Черчилля, в свою очередь заимствованная им из пропагандистского арсенала Гебельса, уже дала название двум книгам. Не прошли особой оригинальности Джордж Мурз и в своих обиженях, предъявляемых Советскому Союзу. Он повторяет сплетни и измышления о «русской цензуре», «русском изолиционизме» и т. д. Так и кажется, что на обложке книги обнаруживаются штампы германского министерства пропаганды, помещенный 1942 или 1943 годом, — но нет, на них обозначены 1946 год и марка американского издательства.

Не полагаясь, видимо, на одного только автора, издательство сочло необходимым придать ему в помощь «стижную артиллерию» в виде предисловия несравненно более опытного и искушенного клеветника Зильмана Уайта — автора злобного «Отчета о России», единодушно осужденного честными и объективными американцами. По отзыву Уайта, Мурз, издав свою книгу, «оказал обществу важную услугу».

Книжка Мурзы встретила более чем проходящий прием. Даже рецензент «Нью-Йорк газеты трибон» (книжное приложение) писал о «Железном занавесе» Мурзы: «Книга разочаровывает выше своей поверхности и тривиальности... и неудовлетворительного характера репортажа».

Весьма примечательно, что и Аткинсон, и Мурз, и другие подобные им «мастеры» антисоветского жанра в литературе на все линии рекламируют свою «аполитичность» и «чуждость всякой пропаганды». Более того, в одной из своих статей, опубликованных в «Нью-Йорк таймс», Бру克斯 Аткинсон, беря на счастье выступить от имени всей западной литературы, на что он разумеется, не имеет никаких полномочий, заявляет, что именно из-за различного отношения к пропаганде «невозможно найти общий язык со всеми и западным писателем».

Не будем спорить: возможность говорить одним языком с литераторами такого типа едва ли покажется привлекательной уважающему себя писателю гдь бы то ни было. Но если отвлечься от этого, нельзя не признать правильных доводов прогрессивного американского критика Сэмюэла Силленса, который подчеркивает, что «чуждающийся пропаганды» Аткинсон счел нужным писать в газете, воскресный тираж которой составляет 602 509 экземпляров, и «сурьем следовал линии издателя этой газеты», то есть, проще говоря, выполнял их заказ на антисоветскую пропаганду.

Аналитируя состояние современной американской критики, в частности в области драматургии, Силен пишет: «Замечательно, что критики никогда не усмотрят пропаганду в пьесах, принимающих и, следовательно, пропагандирующих господствующие ценности капиталистического общества. Они усмотрят пропаганду лишь там, где этим ценностью бросается вызов. Сегодня никто не будет бичевать как пропаганду, пытаясь прославляющую честолюбивые планы империалистов и атомных дипломатов. Пьеса же, разоблачающая эти планы, пьеса, борющаяся за подлинный мир, будет немедленно заклеймена этим страшным словом. Все это, разумеется, тщательно маскируется фразами о преданности «чистому искусству».

Эта характеристика относится не к одному только театральной критике. Разве можно пройти мимо того, что под флагом «чистого искусства» в Америке издаются и широко распространяются антисоветские книги не только отечественного производства, но и импортные, как, например, увенчанная «Клубом лучших книжных мастеров» грязная книжка-антропомания Оруэлла.

Литературные дамы обоего пола, вышивающие на «железном занавесе» и стоявшие на антисоветской кухне, находят своих издателей. Тут же подвизаются всякий рода проходимцы авантюристы, сомневающиеся и публикующие свои пасквили по трафарету, установленному «литературным» агентом гестапо Янис Валтинсом, который и поныне продолжает «творить» в США.

Реакция стремится к ухудшению дружеских отношений между народами. Ей помогает в этом так называемая «свобода печати», являющаяся на деле псевдоимом свободы для разнуданной лжи и клеветы.

Комиссия назначила двух постоянных секретарей: Р. Михайлова и В. Семёнова.

Когда же зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые захотели бы клеветать на свою страну; тем самым они явно уронили себя в глазах этих новоявленных специалистов по «русскому вопросу».

Не знаем, пришла ли литературная страна г-жи Аткинсон по вкусу американским женщинам. Можно усомниться, что в их лице найдут благодарную аудиторию клеветники. Решение газеты «Сейндьюплюс», захлебываясь от восторга, писал: «Мы рекомендуем «Мою жизнь за железным занавесом», напечатанную отдельными очерками в распространенном женском журнале «Домашний спутник женщин».

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».

Вот где зрячка собака! Чета Аткинсонов не нашла в Советском Союзе среди своих собеседников людей, которые бы хотели быть на свою страну; тем самым они явно затянули узоры.

Чувство элементарной брезгливости не позволяет останавливаться на ее нелепых и глупых выпадах против советских людей. Любопытно, однако, что в одном месте г-жа Аткинсон вдруг проговаривается о причинах своего неудовольствия. «Русские, с которыми мы сталкивались — пишет она, — были любезны и приятны людьми, но не отличались особой общительностью и не делили никаких разоблачений».